

А Красный Рыцарь Красного Поля облачился поспешно в доспехи, двое баронов нацепили ему на пятки шпоры, и все на нем было кроваво-красное: и латы, и меч, и щит. Шлем ему на голову надел и пристегнул граф, и привели ему коня красного и подали красное копьё. Выехал он на лужайку перед замком, чтобы и в замке, и в его лагере могли видеть поединки.

16

– Сэр, – обратилась девица Лионетта к Бомейну, – глядите веселее и радуйтесь, ибо вон он, ваш смертельный враг, а вон у того окна стоит госпожа сестра моя, дама Лионесса.

– Где? – спросил сэр Бомейн.

– А вон там, – отвечала девица и указала пальцем.

– Воистину, – сказал Бомейн, – она кажется мне самой прекрасной из всех когда-либо виденных мною дам. И право, – сказал он, – лучшего не надобно мне случая, чтобы отличиться в поединке, ибо она будет моей дамою и ради нее я сейчас иду в бой.

И с тем обратил он к ее окну лицо свое с любезным и радостным видом, а эта дама, госпожа Лионесса, сделала ему глубокий реверанс, до самой земли, воздев кверху ладони. Но тут окликнул Бомейна Красный Рыцарь и сказал:

– Сэр рыцарь, оставь эти взгляды и смотри лучше на меня – таков тебе мой совет, ибо знай: она – моя дама и ради нее я провел уже немало храбрых поединков.

– Если и так, – отвечал сэр Бомейн Прекрасные Руки, – то, сдается мне, это был напрасный труд, ибо ей не мило твое общество, любить же ту, которая не любит тебя, – великое неразумие. Если бы я не видел, что она радуется моему приезду, я бы еще подумал, прежде чем идти за нее на бой. Но по осаде этого замка я могу судить, что к тебе она вовсе не стремится. И потому говорю тебе, Красный Рыцарь: я ее люблю и освобожу ее либо же за нее погибну.

– Ты осмеливаешься так говорить? – вскричал Красный Рыцарь. – Я думал, тебя образумит вид тех рыцарей, висящих на деревьях.

– Стыд и позор тебе, – отвечал Бомейн, – что говоришь ты такие слова и совершаешь столь низкие поступки! Ведь этим ты позоришь себя и все рыцарство. Так знай и не сомневайся, что ни одна дама тебя не полюбит, если узнает тебя и твои подлые обычаи. Ты думал, что вид повешенных рыцарей меня испугает? Ну нет, ошибся ты! Позорное это зрелище только питает мою храбрость и ожесточает против тебя мое сердце гораздо сильнее, чем если бы ты был честным и благородным рыцарем.

– Готовься к бою! – вскричал Красный Рыцарь. – Довольно с меня твоих речей.

Вот наставили они копьё и ринулись друг на друга со всей, сколько в них было, мощью. Ударили один другого в середину щита, так что лопнули подпруги, пахвы и нагрудники, и свалились оба на землю, не выпустив из рук поводьев. Долго лежали они так, совсем оглушенные, и уже все в замке и на поле думали, что они сломали себе шеи.

И многие говорили, среди осаждающих и среди осажденных, что неизвестный этот рыцарь – муж великой силы и доблестный боец, «ибо доньше не видали мы рыцаря, который мог бы помериться силами с Красным Рыцарем Красного Поля». Так говорили люди и за стенами, и у шатров.

Но тут они вскочили на ноги с легкостью и проворством, высвободив ноги из стремян и бросив поводья, выставили перед собой щиты и обнажили мечи и налетели друг на друга, точно дикие львы, и нанесли один другому по шлему два таких удара, что оба пошатнулись и отступили на два шага. Но тут же опомнились, снова ринулись в бой и вырубали один у другого из лат и щитов немало больших кусков, разбрасывая их по всему полю.

17

Так бились они, а между тем уже миновал полдень, но ни тот, ни другой не помышляли о конце поединка, покуда наконец оба вовсе не задохнулись, и тогда остановились они друг против друга и стояли качаясь, едва держась на ногах, клонясь к земле, громко и тяжело дыша и истекая кровью, так что чуть не все, кто там был, плакали от жалости. Но, немного передохнув, вновь ринулись они в бой, наседая, приседая, разя и рубя, точно два диких вепря. То вдруг бросались с разбегу и сшибались, как два оленя, так что падали оба ничком на землю, а то вдруг в сумятице боя вместо собственного меча хватались за меч противника.